

ФОРМУЛА «ЛЮБВИ» И.С. ТУРГЕНЕВА: ВОЛЯ И ПРИНУЖДЕНИЕ

© 2020 г. Е.А. Яблоков

Д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

eajablokov@gmail.com

Представлен анализ тургеневского стихотворения в прозе в аспекте связи концепта любви с концептами воли и принуждения. Показана актуальность данной проблематики для творчества И.С. Тургенева в целом.

The study suggests analysis of Ivan Turgenev's prose poetry in the context of correlation between the concepts of love with those ones of will and coercion. It shows that this problematic was important for the whole work of Turgenev.

Ключевые слова: Тургенев, стихотворение в прозе, концепт любви.

Keywords: Turgenev, prose poetry, concept of love.

DOI: 10.31857/S0869544X0008127-2

В тургеневском цикле стихотворений в прозе одним из самых маленьких и неясных является текст под названием «Любовь» (1881); приведем его целиком:

Все говорят: любовь — самое высокое, самое неземное чувство. Чужое я внедрилось в твое: ты расширен — и ты нарушен; ты только теперь зажил и твое я умерщвлено. Но человека с плотью и кровью возмущает даже такая смерть... Воскресают одни бессмертные боги... [1. Т. 10. С. 186].

Даже на первый взгляд «микромоналог» выглядит парадоксальным, внутренне противоречивым; при этом интуитивно ощущается связь концепта любви с концептом принуждения. Наша цель в том, чтобы посредством лингвистического анализа прояснить реализованную в тексте авторскую позицию.

Заметим, что начало стихотворения напоминает цитату. Формула «Все говорят...» предполагает хрестоматийное продолжение: «...нет правды на земле», — этой фразой открывается пушкинская маленькая трагедия «Моцарт и Сальери»¹. Характерны сходные пространственные оппозиции в начале двух произведений — в обоих случаях вводится вертикальная координата; у Пушкина — «на земле... и выше», у Тургенева любовь — чувство «высокое... неземное».

¹ Кстати, в 1862 г. в Париже вышел сборник переводов драматических произведений А.С. Пушкина на французский язык, сделанных Тургеньевым и Луи Виардо.

Начало чувства описано в «Любви» как внешняя интенция, акт принуждения — проникновение «чужого» в «свое». Речь идет о явно насильственном (*внедрилось*) изменении масштаба (*расширен*) и границ (*нарушен*) личности, т.е. частичной или полной потере «себя» — этому состоянию «вовлеченный» в любовь субъект сопротивляется (ср.: *возмущает*).

Однако что позволило чужому «я» внедриться? Иначе говоря, кому принадлежит «инициатива» любви, проявлением чьей воли является данный акт? Можно предположить, что реализована интенция равного субъекта-«партнера». Но судя по упоминанию о «неземном чувстве», речь идет о некоей «третьей», метафизической инстанции, со стороны которой осуществляется принуждение в отношении обоих.

О том, как относится к происходящему носитель второго — внедряемого «я», не говорится, его позиция непонятна. Внимание автора сосредоточено на реакции той личности, в которую это чужое «я» внедрено. Характерно слово «расширен», трактуемое не просто как увеличение объема, но как качественное изменение, образование новой сущности, не равной прежней личности. С логической точки зрения жизнь есть некая гармоническая целостность, нарушение которой эквивалентно смерти. Характерно, что «земного» человека любовь/смерть «возмущает» — последнее слово, по-видимому, употреблено не в современном смысле (= противоречит нравственному чувству), а в устаревшем, но для Тургенева вполне узуальном, значении «волнует, тревожит, беспокоит» [2. Стлб. 487].

Субъекту открылся мир «другого», но, приняв его в себя, субъект перестал быть собой. Обратим внимание на парадоксальный оборот *ты только теперь зажил и твое я умерщвлено* — из него следует, что прежнее «я» уничтожено; возникает прямая аналогия с убийством. При этом глагол «зажил» заставляет задуматься о референции слова *теперь*: когда именно зажил — до «убийства» или после? По этой логике оказывается, что истинная жизнь наступает после смерти.

Вновь зададимся вопросом: кто субъект действия, «иницилирующего» любовь, с какой целью оно произведено и как его оценивать? Гипотетически можно предположить, что речь идет о волевом акте и агрессии «чужого». Но более вероятно, что вновь подразумевается «сверхинстанция» — в широком смысле Промысел (хотя трудно сказать, чей именно). В таком случае цель Промысла — через любовь умертвить «я», агрессивно лишить субъекта воли. При этом прогнозируется негативная реакция «умерщвляемого» — земного человека «возмущает... смерть», то есть ему свойственны замкнутость своего «я» и защитная реакция по его сохранению.

Но если статус-кво все же нарушено — остается ли человек «земным»? И выживет ли он после «вторжения» или погибнет? Любовь предстает как смертельный риск, своего рода опасный эксперимент, чреватый либо летальным исходом, либо прорывом за границы земного бытия.

Вернемся теперь к началу стихотворения, где приводится расхожий (и потому окрашенный легкой иронией) тезис: *любовь — самое высокое, самое неземное чувство*. Перед нами романтический штамп, причем слово «неземное» понимается метафорически — как высшая степень блаженства. В финале тоже видим афористичный оборот; но, поскольку речь шла о принудительной потере «я» и его «умерщвлении», сакральная лексика кажется демегафоризованной. К тому же заключительная фраза содержит явный парадокс: «воскресаю... бессмертные».

Из сказанного можно сделать два противоположных вывода. 1. «Воскрешение» означает способность не поддаваться любви, проявив волю, — при этом подлинно «неземным» чувством оказывается как раз «нелюбовь». 2. «Воскрешение» означает

способность «принять» другого, не «исчезнув» при этом самому,— такая способность может считаться поистине божественной.

В творческой биографии Тургенева «Любовь» стала одним из итоговых произведений. Разумеется, имело бы смысл рассмотреть это стихотворение в прозе на общем фоне творчества писателя, в чьем мироощущении тема любви, как известно, занимает весьма важное место, причем во многих случаях она принимает парадоксальный облик, выступая как властная стихия, лишаящая человека воли и, в сущности, губящая. Хрестоматийный пример — роман «Отцы и дети» (1862), где выстроены две линии мужских персонажей. Если персонажи «органически-природного» типа — Николай Петрович Кирсанов и его сын Аркадий Николаевич пребывают в гармонии с мирозданием и обретают «право» на продолжение рода с соответствующими «атрибутами» (дом, семья и т.п.), то «дисгармонично-роковые» персонажи — антидвойники Павел Петрович Кирсанов и Евгений Васильевич Базаров находятся в остро конфликтных отношениях с бытием и его важнейшими сущностями, воплощенными прежде всего в образе женщины. Соответственно, для обоих любовь не просто драматична, но смертельна. Разница в том, что Павла Петровича встреча с княгиней Р. превратила в «пожизненного», как бы бессмертного, страдальца, а Базаров после встречи с Анной Сергеевной Одинцовой погибает быстро и нелепо (из-за случайного пореза пальца [1. Т. 7. С. 174]), словно признавая, что борьба бессмысленна.

В еще более «остром» виде мотив поработавшей любви (явно с автобиографическим подтекстом) представлен в написанной за несколько лет до «Отцов и детей» повести «Переписка» (1856), герой которой рассказывает, как «влюбился в одну танцовщицу»:

«С той самой минуты, как я увидел ее в первый раз... — с той роковой минуты я принадлежал ей весь, вот как собака принадлежит своему хозяину; и если я и теперь, умирая, не принадлежу ей, так это только потому, что она меня бросила. [...] Любовь даже вовсе не чувство; она — болезнь, известное состояние души и тела; она не развивается постепенно; в ней нельзя сомневаться, с ней нельзя хитрить, хотя она и проявляется не всегда одинаково; обыкновенно она овладевает человеком без спроса, внезапно, против его воли — ни дать ни взять холера или лихорадка... Подцепит его, голубчика, как коршун цыпленка, и понесет его куда угодно, как он там ни бейся и ни упирайся... В любви нет равенства, нет так называемого свободного соединения душ и прочих идеальностей, придуманных на досуге немецкими профессорами... Нет, в любви одно лицо — раб, а другое — властелин, и недаром толкуют поэты о цепях, налагаемых любовью. Да, любовь — цепь, и самая тяжелая. По крайней мере я дошел до этого убеждения, и дошел до него путем опыта, купил это убеждение ценою жизни, потому что умираю рабом» [1. Т. 5. С. 44–46].

Спустя четверть века после этой повести и незадолго до собственной смерти Тургенев создаст стихотворение в прозе, где любви придан не столь «безысходный», более диалектичный облик. Однако очевидно, что с тургеневской точки зрения любовь, при всем ее «неземном» характере,— состояние опасное, фатально вовлекающее субъекта в коллизию воли и принуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30-и т. Произв.: В 12-и т. М., 1978–1986.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. СПб.; М., 1903. Т. 1.